

*Посвящается Джеффри Сайксу,
мастеру по ремонту велосипедов*

25 октября 1942 г. — 10 сентября 2018 г.

Благодарности

Я БЛАГОДАРЕН ТИМУ БРОТОНУ за то, что он поверил в эту книгу, и Джо Пикерингу за то, что он так бережно относился к ней и помог довести ее до конца. Также благодарю Хью Дэвиса за его учтивость и терпение и Дэвида Лакстона, моего агента, за его неподдельные старания ради моего блага.

Спасибо, как и всегда, семьям Сайкс и Перачино, а также всем, кто любезно поделился со мной своими временем, мудростью и байками. Громадная благодарность доброму народу Турина; прошлого и настоящего, «ювентини» и нет. Вполне может быть, что в этом в мире есть гораздо более прекрасные и завораживающие города для жизни, чем этот, но лично я не смогу назвать ни одного, хоть убей.

Оглавление

В Бальдиссеро-Торинезе с моими друзьями Альберто (11) и Лукой (8)	8
Глава 1. Fratelli d'Italia	14
Глава 2. Лучшие времена, худшие времена... ..	56
Глава 3. Из пепла	91
Глава 4. Il Boom Economico	131
Глава 5. Черно-белые и красные повсюду	184
Глава 6. Свинцовые годы	237
Глава 7. Il Nuovo Calcio	275
Глава 8. Народ честный, благонамеренный	314
Глава 9. Назад в будущее с Андреа Аньелли	353

В Бальдиссеро-Торинезе с моими друзьями Альберто (11) и Лукой (8)

МЫ БОЛТАЕМ О ФУТБОЛЕ С АЛЬБЕРТО И ЛУКОЙ в их доме на холмах, возвышающихся над Турином. Они братья, и они оба забавные, хотя и непохожи друг на друга, как день и ночь.

Их мать — Клаудия, и в местном диалекте есть особое слово для таких людей, как она. Это слово «*bogianen*» и его буквальное значение близко к значению слова «непоколебимый». Оно подчеркивает стоицизм, непроницаемость, старомодную бескомпромиссность горцев, и оно здесь очень к месту. Клаудия не слишком склонна к путешествиям (как в буквальном смысле, так и фигуральном), потому что понимает, что в конечном итоге все равно окажется здесь. Это ее место, здесь она сформировалась как личность, и оно определяет то, кто она есть — нравится ей это или нет. Ей свойственен фатализм, но что тут поделать? Она ведь из Пьемонта — буквально с «подножия горы» — а горы куда больше ее. Она заложница природных сил — климата, геологии, истории, — над которыми она не властна. Говорят, что пьемонтцы предрасположены к *vittimismo*¹, а Клаудия — настоящая пьемонтка до мозга костей. Она находится в стесненном положении, прижатая к склону холма, и она знает, что ей нельзя переставать долбить этот холм изо всех сил. Ей невозможно не симпатизировать, так же как невозможно не симпатизировать ее маленькому сыну Луке.

---

¹ Жертвенность. (Здесь и далее перевод с итальянского. — Прим. ред.)

В отличие от своих детей Клаудия несколько отстранена от повседневной психологической драмы, коей является *calcio*¹. Однако негласно она является болельщиком клуба «Торино» — так же негласно, как ее муж им не является. Его зовут Гаэтано, и противоположности, как говорят, зачастую притягиваются. Если она причина того, что Лука — это Лука, то он явно главная причина того, что Альби, старший брат Луки — полная его противоположность.

Отец Гаэтано приехал сюда из Апулии во время экономического бума конца 1950-х. Как и бесчисленное множество южных итальянцев, он мечтал о *la dolce vita*², поэтому и забрался в душный, пропитанный потом и забитый до отказа поезд, решительно следовавший на север. Он сошел с него в Турине — с выпученными от изумления глазами и без единого гроша в кармане, — долго и внимательно разглядывал вокзал Порта Нуова, этот шедевр необарокко, а потом шагнул на свет. Именно там он, увидев эту жемчужину Турина с его длинным портиком, твердо решил, что однажды урвет кусочек этого великолепия и для себя. Очень быстро он нашел работу (или, точнее будет сказать, работа нашла его) и перестал по целым дням гнуть спину на засушливых южных полях, променяв их на засаленное дышло тяжелой промышленности.

Как там раньше говорилось про иммигрантов из Южной Италии? Знать их — значит любить их? Северяне не понимали диалекта Апулии, но он освоил их язык и подкатил к одной девушке. Они пережили пару субальпийских зим, а потом случилось то, что случилось, — в 1975-м на свет появился Гаэтано. Гаэтано появился, и он вместе со своей семьей стал частью истории этого итальянского столетия.

Как лучше всего описать Гаэтано? Мы воздержимся от того, чтобы называть его треплом, потому что он категорически не таков. Дело не только в том, что он, хотя и родился здесь, полностью соответствует стереотипу неприспособившегося южанина. Будет трудно спорить с утверждением, что он мозговитый, хотя при этом он явно не питает слабости к рефлексии. Впрочем, он знает, что знает, и на контрасте со своей бывшей женой совсем не чурает-

---

¹ Футбол.

² Сладкая жизнь.

ся обсуждать свои достижения в жизни. Он не говорит ничего особенно глубокомысленного, но он открытый по характеру и не сдерживает себя, когда темой разговора становится он (кажется, что это всегда неизбежно).

Он большой фанат «Ювентуса», но я полагаю, что вы уже и сами сообразили.

Когда не мешает смог, отсюда можно увидеть весь город целиком. На небольшом расстоянии великая река По, ставшая основанием, на котором римляне возвели Аугустус Тауринорум, делает изгиб на юго-запад, к Альпам. Река некогда служила границей города, но потом, 300 лет назад, *torinesi*¹ прогнали французов и отметили это строительством нового моста через реку и грандиозной неоклассической церкви на другом берегу. Со временем церковь Великой Божией Матери станет одной из самых знаменитых достопримечательностей Турина, что подтвердит каждый, кто видел «Ограбление по-итальянски».

Фильм, если вы не обратили внимания, служит метафорой английского изоляционизма. Майкл Кейн и его флот «Mini» — это анти-FIAT, анти-Европа, анти-всё-и-вся, кого не отнести к лукавым английским остолопам-традиционалистам, пекущимся о самосохранении. Невзирая на тот факт, что Турин находится в тысяче километров от Сицилии, итальянский враг Кейна — *mafioso*. Однако его роль играет бывший полузащитник «Торино» Раф Валлоне, и это, учитывая, что предвещает ограбление футбольный матч, кажется вполне справедливым.

В сцене с Церковью Божией Матери Кейн и его подельники-люддиты обирают участников блестяще срежиссированной итальянской свадьбы. Они слетают на своих «Mini» вниз по ступенькам церкви, мчат на плотину через По и далее, по знаменитым туринским аркадам. Позже, украв итальянское золото, они бравируют своим комплексом неполноценности в погоне на низких скоростях на крыше громадного завода FIAT Лингготто.

Как бы то ни было, Борго По, жилой квартал позади Церкви Божией Матери, стал очень модным местом. Жаждавшие одновременно жить и в городе, и вне его пределов представители турин-

---

¹ Туринцы.

ского среднего класса начали строить здесь свои дома. Чем выше они строились, тем больше денег они платили, а чем больше они платили, тем более невозмутимый — воображаемо или на самом деле — характер приобретали дома. Некоторые из них очень красивые, а большинство изысканны, как и их обитатели.

Центр города, вычурный и линейный, населен старыми пьемонтскими семьями, владеющими старыми пьемонтскими деньгами. Это Савойя в чистом виде, и все же ее знаменитый символ — бывшая синагога. Не просто так Турин зовется Маленьким Парижем, а выдающаяся Моле Антонеллиана, превращенная теперь в чудесный музей кино, выглядит как предтеча Эйфелевой башни именно потому, что ей и является. Она оставалась самым высоким зданием Турина вплоть до 2011 года, когда банку разрешили испортить линию горизонта города небоскребом.

В восьми километрах к северу от Моле находится место под названием Лученто. Оно находится прямо на северо-западной окраине города, и это та самая Италия, о которой вам никогда не расскажут. Даже местные с трудом помнят, как оно называется, поэтому они просто говорят, что это Венария, потому что это самый ближний пригород, о котором они слышали.

Лученто выглядит невзрачно, но это место стало домом для современного итальянского символа поклонения. В 2003-м «Ювентус» приобрел у городского совета стадион «Делле Альпи», белый слон итальянского ЧМ'90 вместимостью 67 тысяч зрителей. Стадион был в кратчайшие сроки разрушен, а на его месте была построена гораздо более маленькая и гораздо более приятная арена. К ней добавили лучший спортивный музей Италии, громадный медицинский центр, торговый центр и международную языковую школу. В совокупности они образуют так называемую J-Village, но проект далек от завершения. Сейчас идет строительство пятизвездочного отеля, а также wellness-центра, а вскоре сюда из центра города переедет и штаб-квартира клуба. Стадион «Allianz» (права на название продают тому, кто предложит больше всех) — центральный элемент композиции. И хотя большинство старых *torinesi*, которых я знаю, и слышать ничего о нем не хотят, к нему ведет удобный съезд с автотрассы, и в этом явно кроется метафора.

Нравится им это или нет, но J-Village работает как часы. Это футбольный клуб полного погружения, изобретенный заново, как магазин «одного окна», и с точки зрения ухищрений спортивного брендинга/маркетинга он попросту уникален. Он спроектирован так, чтобы ощущаться комплексным и всеохватным, — и примитивная провинциальная Италия не знает ему аналогов.

Стадион «Торино», «Стадио Олимпико Гранде Торино», разглядеть отсюда гораздо сложнее. Он ближе к центру города, на углу Виа Филадельфия и Корсо Джованни Аньелли. Это трехлинейный бульвар, названный в честь основателя FIAT. Он ведет на юго-запад к Мирафиори, заводу FIAT, торжественно открытому Муссолини в 1939 году. Прямо через железнодорожные пути раскинулся Линготто, а потому «Торо» так или иначе окружены со всех сторон. Как и большинство в Турине, они подчиняются вертикали власти Аньелли и стадион свой арендуют у городского совета.

Комната маленького Луки слева, а комната Альби, гораздо большая по размерам, справа. У каждого из них есть альбом стикеров от *Panini*¹ на этот сезон, хотя Альби гораздо дальше продвинулся в части его заполнения. Его мама говорит, что он тот еще проныра и обладает энциклопедическими познаниями о том, кто есть кто. Он может полностью назвать заявку каждой команды Серии А на сезон, а также перечислить составы ведущих английских и испанских команд.

Лука заполняет свой несколько медленнее, потому что получает меньше карманных денег, но также потому, что часто теряет концентрацию. Альби находит это уморительным и время от времени — ведь он старший брат — поколачивает Луку. Но такова жизнь, и Лука с этим мирится. Все его любят, а его приятели всегда приходят поиграть с ним.

В общем, Альби впечатляет меня своим хозяйством *Panini*, и неизбежно мы начинаем говорить о футболе. Альби хороший игрок, потому что он атлетичен, жилист и быстро соображает, а еще потому, что он понимает, что футбол — серьезный бизнес.

---

¹ *Panini* — итальянская компания, специализирующаяся на производстве коллекционных наклеек и игровых карточек, комиксов и книг. — *Прим. ред.*

Лука же совсем этого не осознает, как кажется. Он просто бежит за мячом, как все остальные, а его мама говорит, что ему все равно, побеждает он или проигрывает.

Лука говорит, что поддерживает «Торино», потому что наделен *fiducia*, верой по-нашему. Его мама сказала ему, что в жизни есть вещи гораздо более важные, чем победы, и ему не нравится «Ювентус», потому что они ничего не олицетворяют. Он также говорит, что болельщиков «Торо» становится все меньше, а некоторые из его приятелей переметнулись совсем недавно. Когда я спрашиваю у него почему, он отвечает, что потому что у «Юве» есть Роналду, Буффон и Дибала.

Альби сообщает брату, что тот выглядит нелепо, но Лука парирует: «А что такое «Юве»? Это ведь даже не место, так за кого ты болеешь?»

Альби говорит, что «Юве» — единственный клуб, способный соперничать с «ПСЖ», «Манчестер Сити» и «Барселоной». Он говорит, что «философия» — это победы. Он спрашивает, зачем вообще заниматься спортом, если ты относишься к делу как-то по-другому, и говорит брату, что болеть за «Торо» «бессмысленно». Это клуб-посмешище для настоящих *sfigati*¹; мусорная команда, с которой никогда ничего не происходит. «Торо» никогда-никогда ничего не выигрывают, а их болельщики только и делают, что вспоминают *Grande Torino*. Они были величайшей командой в истории Италии, но это было 70 лет назад.

Ни Луке толком нечем ответить на такое, ни — буду с вами честен — кому-либо еще.

Если ты прав насчет чего-то, итальянцы говорят, что у тебя «есть рассудок», и тут Альби, бесспорно, прав.

Na ragione, Alberto. Он чертовски прав, Альберто.

---

¹ Неудачники.

Глава 1

Fratelli d'Italia

Турин — прекрасный город. Размахом своей планировки он, по-моему, превосходит все, что задумывалось когда-либо прежде.

МАРК ТВЕН

В Королевском дворце с почтенным Рудольфом Оберманном

ПИСАТЕЛЬ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА Джузеппе Баретти так говорил о своих земляках-пьемонтцах: «Одним из качеств, отличающих их от других итальянцев, является отсутствие в них бодрости духа. Путешественники, посещающие Италию, незамедлительно заметят, что ее народ — приятный и добродушный, а также, кажется, от природы предрасположен к шумным утехам. Однако же стоит путешественнику посетить Пьемонт, как он непременно заметит некоторую меланхолию, тревожную серьезность».

И он был прав. Все в Италии знают, что пьемонтцы немного чопорны, но бог знает, что в те времена был ряд смягчающих обстоятельств. Во времена до объединения Италии это были презренные, чахоточные люди. Само по себе это не было проблемой для Савойской династии, правителей Пьемонта и Сардинии, пото-

му что доведение подданных налогами до крайней нищеты было, что называется, политикой компании. Проблема была в том, что ей приходилось вести войны — притом часто и подолгу, — и династия нуждалась в крепких солдатах, к тому же достаточно глупых, чтобы жертвовать собой ради королевства. Однако вследствие болезней, замедленного роста и изнуряющей нищеты почти четверть армейских рекрутов не годилась для службы.

Отчасти причиной была индустриализация. Туринские текстильные фабрики были весьма производительны и приносили колоссальные доходы, а привлечение к труду женщин и детей творило чудеса в плане прибыли. Однако за золоченым барочным фасадом бушевали тиф и сифилис, алкоголизм и общее убожество жизни. Город с населением около 130 тысяч душ был европейской столицей санаториев и сиротских приютов, питейных заведений и борделей. Он был процветающим и прекрасным, но в то же время зловонным.

Король Карло Альберто (правил с 1831 по 1849 г.) питал слабость к молодым интеллектуалам из либералов. В 1833 году он вызвал одного из них, маститого философа из Цюриха, в свой королевский дворец. Рудольф Оберманн был экспертом в новомодной «гимнастике», снискавшей, очевидно, бешеную популярность по ту сторону Альп. Он вознамерился объяснить ее суть Карло Альберто, его болезненной жене Марии Терезе и их свите. Он убедил их в том, что за гимнастикой будущее, но окажется она в плохих руках, и пагубные психологические и душевные последствия не заставят себя ждать. От нее не будет никакой пользы головастым медикам, чувствительным студентикам или — не приведи господь — женщинам, и ни при каких обстоятельствах она не должна приобретать соревновательный характер.

На левом берегу реки располагается Парко Валентино, самое элегантное публичное пространство Европы, где у Карло Альберто как раз находился один из свободных дворцов. Оберманн сказал ему, что превратит его в «гимназиум» и трансформирует королевскую пехоту в сильнейшее, храбрейшее и самое дисциплинированное воинское подразделение Европы. Он будет пестовать силу и гордость в своих полках, но также будет культивировать в них патриотизм и глубокое ощущение здорового благополучия. Сила,